

Глава 22 - Исповедь.

Когда Сяо Юй услышал новость о том, что Мин Чон очнулся, он испытал смешанные чувства. Теперь, когда Мин Чон выжил, перед ними встала большая проблема.

Сяо Юй тщательно обдумывал последние несколько дней, как объяснить Мин Чону, и они могли бы притвориться благодетелями. Но сотни людей в деревне укрылись на пиратском корабле той ночью, и все знали о сотрудничестве Пэйя Линьчжи с правительством, чтобы победить пиратов, и даже говорили об этом как о героическом поступке.

Если они не имеют никакого отношения к правительству, то как правительство могло отдать им корабль бесплатно?

Мин Чон, конечно, не был дураком, и, немного покрутив головой, он смог бы догадаться, что происходит.

Сяо Юй и Пэй Линьчжи тщательно обсудили этот вопрос, и наконец Пэй Линьчжи сказал: "Предоставьте это мне, я смогу это сделать".

Сяо Юй было любопытно, как Пэй Линьчжи объяснит это другой стороне. После того, как Мин Чон очнулся, Сяо Юй больше не навещал его.

На следующий день после пробуждения Мин Чона, в полдень, Цзи Шань сказал за обеденным столом: "Великий король хочет встретиться с этими двумя господами и лично поблагодарить их".

Сяо Юй и Пэй Линьчжи посмотрели друг на друга, и Пэй Линьчжи сказал: "Увидимся после еды".

У Сяо Юя покалывало кожу головы: то, что должно было произойти, еще не произошло. После еды Сяо Юй увидел, как Пэй Линьчжи спокойно встал и пошел в подсобное помещение, поэтому он поспешил за ним.

Цзи Шань сказал: "Старший, господин Сяо и господин Пэй пришли повидаться с вами".

Задняя дверь была открыта, снаружи светило солнце, комната была ярко освещена, Мин Чон первоначально лежал на кровати, когда он увидел, что вошли двое мужчин, он подпер себя руками и поприветствовал: "Мин Чон благодарит вас, господа, за спасение его жизни".

"Подождите, не нужно благодарить меня",- Пэй Линьчжи поднял руку в останавливающем жесте.

Мин Чон на мгновение замер и растерянно посмотрел на Пэйя Линьчжи.

Тот продолжил: "Да, мы спасли тебе жизнь, но стрела, которой ты был поражен, тоже была от меня".

Когда Сяо Юй услышал это, он чуть не упал. Что это за исповедь?

Когда Мин Чон услышал это, его руки не выдержали, и он упал на кровать со сдавленным ворчанием, недоверчиво говоря: "Ваше превосходительство, не обманывайте меня, эта шутка не смешная".

Пэй Линьчжи сказал с ничего не выражающим лицом: "Как я мог дразнить тебя по такому важному вопросу? Это я ранил тебя, и это мой господин хотел спасти тебя. Цзи Шань сказал, что ты помогал многим бедным людям, и мой господин подумал, что ты героический человек и не должен так умереть. С этого момента в мире больше не будет Мин Чона, потому что ты уже мертвец в списках чиновников. Если у тебя есть какие-то претензии, то когда справишься от ран, приходи и брось мне вызов".

Когда Сяо Юй услышал слова Пэйя Линьчжи, он сказал: "Мин Чон, я уважаю тебя как героя, но я не ценю твой стиль действий. Если ты герой, почему ты грабишь других? Мало грабить других, но почему ты так слабо контролируешь ситуацию, что позволяешь своим людям убивать невинных? Мне принадлежит заслуга в том, что мы захватили корабли, стоявшие на якоре в море".

Исповедь - действительно лучший вариант, потому что скрыть правду невозможно, и рано или поздно, правда бы все равно всплыла наружу.

Когда Пэй Линьчжи услышал, как Сяо Юй сказал это, он быстро заговорил, чтобы остановить его: "Господин!".

Сяо Юй слабо улыбнулся ему: "Ты мой человек, и то, что ты делаешь, естественно, представляет мою волю. Если Мин Чон такой зловец, как бы он мог отпустить меня?".

Когда Пэй Линьчжи услышал эти слова, он долго смотрел на Сяо Юя, ничего не говоря, и был одновременно тронут и обеспокоен.

К счастью, никто не упоминал роль Цзи Шаня. Сяо Юй и Пэй Линьчжи изначально стояли на противоположной стороне от Мин Чона. Они ранили его и окружили пиратов. А Цзи Шань - предатель, Мин Чон никогда бы не простил ему этого.

Грудь Мин Чона сильно вздымалась и опадала, он был явно очень эмоционален, он поднял руку и ударил кулаком по кровати: "Вы, правительственные собаки, быть спасенным вами - это

самый большой позор в моей жизни!

Сяо Юй сказал: "Если ты не хочешь жить, то ты можешь убить себя, выбор за тобой. Кроме того, я не лакей правительства, а ты пират, стоящий против народа, а враги народа - мои враги",- сказав это, он потащил Пэйя Линьчжи из комнаты.

Мин Чон боролся и уже собирался встать и уйти. Цзи Шань посмотрел вслед уходящим Сяо Юю и Пэйю Линьчжи, а затем обернулся и поспешил на помощь Мин Чону: "Старший, не двигайтесь, ваша рана разоидется".

Мин Чон оттолкнул его и задыхался: "Проваливай! Все мои братья умерли, какой смысл мне жить? Они ранили меня и спасли, неужели они хотят меня опозорить?".

Цзи Шань сказал: "Сяо Ланьцзюнь и Пэй Ланьцзюнь не такие. Ты неправильно их понял".

Мин Чон окинул его свирепым взглядом: "Ты, никчемный пес, они убили столько наших людей, а ты все еще говоришь за них, что тебя гложет совесть? И ты тоже, проваливай!"

Сказав это, он слез с кровати. Он потерял слишком много крови и был так слаб, что только дотянулся до края и упал. Цзи Шань в панике поднялся, чтобы поймать его, но он задел рану, и Мин Чон внезапно потерял сознание от боли.

"Старший!",- Цзи Шань уже был на грани слез.

Сяо Юй и Пэй Линьчжи услышали шум и обернулись, увидев упавшего на пол Мин Чона, Пэй Линьчжи нахмурился: "Ланьцзюнь не должен был его спасать".

Сяо Юй подошел, чтобы помочь: "Он всего лишь человек, это нормально злиться". Когда так много его братьев погибло и было ранено, а его карьера была полностью разрушена, невозможно было смириться с этим.

Втроем они снова подняли Мин Чона на кровать.

После того, как Мин Чон снова очнулся, его отношение стало крайне плохим: он проклинал всех, кого видел, бросал все, что попадалось под руку, и объявил голодовку, заявив, что не будет есть пищу в знак презрения.

Сяо Юй и Пэй Линьчжи не пытались его переубедить, остальные члены семьи тоже не подходили к нему, кроме Цзи Шаня, который чувствовал себя виноватым и заботился о нем, как обычно.

Мин Чон сказал: "Цзи Шань, если ты все еще считаешь меня своим старшим, то забери меня

отсюда. Когда я оправлюсь от ран, мы вернемся, чтобы отомстить".

Цзи Шань опустил глаза: "Старший, нам некуда больше идти, корабли были захвачены правительством. Кроме того, Сяо Ланьцзюнь и Пэй Ланьцзюнь - хорошие люди, я не хочу, чтобы старший мстил им".

"Какие именно у тебя с ними отношения? И почему тебя не арестовали чиновники?",- Мин Чон холодно фыркнул и посмотрел на него с подозрением.

Мурашки побежали по телу Цзи Шаня, он не смел смотреть Мин Чону в глаза: "Это мой старый дом, после смерти матери мои младшие брат и сестра были приняты ими, и они спасли меня".

Услышав это, Мин Чон снова оценил его и усмехнулся: "Так ты их старый знакомый".

Цзи Шань поспешно покачал головой: "Нет, они пришли после того, как я покинул деревню, они прибыли сюда из столичной ссылки".

Услышав это, голос Мин Чона также зазвучал: "Вы говорите, что они тоже ссыльные?".

Цзи Шань кивнул.

Мин Чон чуть не умер от злости. Если они были ссыльными заключенными, почему они помогали правительству? Рабство было выгравировано в их костях и было безнадежным...

Мин Чон все еще держал голодовку, просил Цзи Шаня забрать его, но куда тот мог его забрать, корабль исчез, дом исчез, идти было некуда.

Ночью Мин Чон был так голоден, что его живот, казалось, горел, а еда на табурете у кровати была уже холодной, но он стиснул зубы и не смотрел на нее. Цзи Шань ушел спать, и ему не с кем было поговорить: "Цзи Шань!"

Он закрыл глаза, чтобы уснуть, и услышал шум снаружи, казалось, там читали, аплодировали и смеялись, было шумно!

Цзи Шань закончил урок и вернулся к Мин Чонгу: "Старший, вы опять не ели".

Мин Чон закрыл глаза: "Что происходит снаружи? Здесь так шумно, что я не могу спать".

На самом деле, он не был лишен сна из-за шума, он просто был слишком голоден, чтобы спать.

Говоря об этом, Цзи Шань заволновался: "Сяо Ланьцзюнь и Пэй Ланьцзюнь дают уроки

молодым людям в деревне, лекции очень интересные, вы должны пойти и послушать их, старший".

Мин Чон открыл глаза: "Лекции? Какие уроки?"

Цзи Шань сказал: "Сяо Ланьцзюнь сказал, что это был класс грамотности, где всех учат читать и писать, а также арифметике. Пэй Ланьцзюнь также рассказывает истории о битвах, которые могут быть интересными, сегодня речь шла о битве при Красном утесе в Троецарствии и сожжении лагеря".

Мин Чон на мгновение замолчал: "Кто они вообще такие?"

Цзи Шань почесал голову: "Не могу сказать, я думаю, что все они не должны быть обычными людьми. Сяо Ланьцзюнь особенно силен, он может делать бумагу, он может делать масло из кокосов, и он может делать свечи из козьего жира, эта свеча была сделана Сяо Ланьцзюнем".

Мин Чон повернул голову и посмотрел на полусгоревшую свечу, он думал, что они из богатой семьи, но он сделал ее сам? Это был небольшой навык, но всего лишь небольшой навык. Его желудок снова заурчал.

Цзи Шань сказал: "Старший, вам лучше что-нибудь съесть, вы быстрее поправитесь, если поедите".

Мин Чон холодно фыркнул: "Я не ем еду от презренных людей".

Цзи Шань сказал: "Я заплатил за этот куриный суп, а не семья Сяо Ланьцзюня".

Мин Чон посмотрел на него: "Ты купил его? Тогда принеси его сюда".

Цзи Шань пошел принести миску и обнаружил, что она уже остыла: "Она уже остыла, я пойду и разогрею ее снова".

"Нет необходимости", - Мин Чон протянул руку, чтобы взять его, и выпил суп одним глотком, он действительно утолил его голод и жажду.

Когда Цзи Шань увидел, как он ест, уголки его рта приподнялись: метод, о котором говорил Сяо Ланьцзюнь, действительно работал.

В то утро Сяо Юй работал на веранде: "Юэ-эр, принеси стопку глиняных мисок и попробуй посмотреть, сможешь ли ты их зажечь". Он планировал сжечь сосновый дым для изготовления чернил, так как студентов было слишком много, а чернильные камни были слишком дороги, поэтому лучше было сделать свои собственные, чтобы сэкономить деньги.

Юэ-эр принесла несколько мисок и поставила их у ног Сяо Юя: "Господин, после сжигания сажи в этих мисках, вы больше не сможете ими пользоваться"

"Я не могу в них есть, но я всегда могу использовать их для сжигания пепла".

"Если вам нужен пепел, просто соскребите его со дна наших горшков",- сказала Юэ-эр.

Сяо Юй рассмеялся: "Дно горшка хорошее, но его недостаточно, а пепел недостаточно мелкий, чтобы сделать хорошие чернила".

Юэ-эр ответила: "Но у нас в доме не так много мисок, и если мы сожжем их по-черному, они пропадут".

"Не волнуйся, сейчас мы готовим свою собственную гончарную мастерскую, когда печь будет готова, ты сможешь сделать столько чаш и мисок, сколько захочешь".

Теперь, когда у них был корабль, им просто не хватало товаров, и если они хотели заработать денег, то должны были подготовить больше, поэтому Сяо Юй планировал попробовать все. Сначала попробовать обжиг керамики, а затем, когда получит хороший опыт, то бросить вызов фарфору, и сейчас была серьезная нехватка рабочих.

"Ты так хорош, Ланьцзюнь, ты не только умеешь делать кокосовые чаши, но и гончарные",- Юэ-эр до глубины души восхищалась своим Ланьцзюнем.

Пока они болтали, то не заметили, что кто-то сидит у двери кухни и подслушивает их разговор. Мин Чон сузил глаза на Сяо Юя, который рубил бамбук, опустив голову. Его руки были белыми и блестящими. На первый взгляд, это были не грубые руки рабочего. Подняв глаза, он увидел, что покрасневшее лицо изначально было белым и явно не было цветом лица людей ячжоуского народа. Это очевидно, избалованный сын. Как такой человек, как он мог приехать в такую маленькую рыбацкую деревушку?

Сяо Юй сосредоточился на том, чтобы разделить один конец бамбука на шесть частей, сделать зажим для удержания керамической чаши и собрать пепел вверх дном - технику, которую он видел в видеоролике на You Tube и никогда не думал, что однажды сможет ее использовать.

Юэ-эр вдруг заговорила: "Господин, он следит за нами".

Сяо Юй остановился, повернул голову, чтобы осмотреться, и заметил Мин Чона, сидящего на пороге кухни, поэтому он улыбнулся ему: "Тебе лучше?". То, что он смог встать с кровати, означало, что ему стало лучше.

Мин Чон посмотрел на его улыбку и почувствовал себя неудобно. Должно быть, Цзи Шань был подкуплен сладкими словами: "Да, скоро я смогу убить вас".

Юэ-эр была в ужасе и встала перед Сяо Юем: "Ты, плохой человек, не обижай моего Ланьцзюня!".

Сяо Юй улыбался: "Ты должен попытаться сейчас, а то когда Линьчжи вернется, у тебя не будет шансов".

Он считал, что те, кто говорит про убийство, не убьют, так же как и те, кто каждый день требует развода, на самом деле этого не сделают. Так называемая собака, которая лает, не кусается, и собака, которая кусается, не лает, - это примерно одно и то же.

Мин Чон посмотрел на его улыбку и отвернулся, этот Сяо Юй игривый и улыбчивый, нехороший человек на первый взгляд...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300220>